

Полугодин А. Д.

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент Кометчиков И. В.

ГРАЖДАНСКАЯ КОЛЛАБОРАЦИОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ МЕЖДУ НЕМЦАМИ И НАСЕЛЕНИЕМ В ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: НАЦИСТСКИЙ ПРОЕКТ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье на основе архивных документов из фондов государственного архива Московской и Смоленской областей, а также архива Российской государственной политической истории рассмотрена проблема взаимоотношений органов гражданской оккупационной администрации с местным населением на территории западнорусского региона. Показана функциональность коллаборационного аппарата и динамика её трансформации к концу периода оккупации.

Ключевые слова: гражданский коллаборационный аппарат, волостной старшина, староста, районный управитель, военный комендант, социальная политика, коллаборационизм.

The article considers the problem of interaction between the civil occupation administration and the local population in the West Russian region and it is based on the archival documents from the funds of the State archives of Smolensk, Orel regions and from the Russian State archive of political history.

This article reveals the functionality of the collaboration apparatus, and the dynamics of its transformation by the end of the occupation period.

Key words: civil collaboration apparatus, township officer, headman, regional manager, military commandant, reichkommissar, social policy, collaborationism.

При изучении темы Великой Отечественной войны одним из актуальных и сложных для исследования является вопрос коллаборационизма, т.е. пособничества врагу определенной количества граждан в ущерб своей Родине, и в частности, – вопрос взаимоотношений органов гражданской администрации с оккупантами и населением. Интерес к данному вопросу вызван рядом существенных обстоятельств.

Во-первых, некоторые сферы коллаборационизма до сих пор недостаточно изучены, прежде всего, это касается его военной формы. Во-вторых, изучаемая проблема до сих пор не избавилась от политизации и штампов, которые могут использоваться различными силами в политике, но никак не в интересах развития научного знания. В-третьих, привязанность проблемы к человеческому фактору в условиях экстремальности, не оставляет равнодушными значительное количество ученых, стремящихся найти ответы на достаточно непростые вопросы.

С Советского периода сохранились многочисленные воспоминания народных мстителей, содержащие в своем упоминании, информацию о различных институтах гражданской администрации, их функциях в деревне, а также взаимоотношениях с партизанами. Зачастую, в источниках того времени, эти звенья оккупационной системы предстают перед нами в негативном ключе под влиянием вполне объяснимых идеологических факторов. Созидательный характер деятельности таких институтов опускался и серьезно не рассматривался. Из небольшого количества научных работ той эпохи наиболее серьезным является исследование историка В. М. Гриднева. [14, с. 2]. Несмотря на идеологическую пафосность, автор, привлекая значительный источниковедческий материал, достаточно подробно останавливается на устройстве административного аппарата и его функциях в период оккупации. Ввиду незаезженности предмета изучения, научная ценность этой работы отмечается историками и сегодня.

Ввиду демократических перемен, происходящих в России с 90-х годов XX века, отмечалась активизация научных исследований по вышеназванному направлению. Формируется целая плеяда историков, внесшая значительный вклад в развитие исторического знания по этому вопросу. Профессиональному кругу лиц хорошо известны работы региональных специалистов И. Щерова, Б. Ковалева, И. Ермолова, уделявших в рамках изучения общих тем, зачастую посвященных периоду оккупации, значительное место и предмету административного коллаборационизма, его роли в оккупационной системе, а также взаимомо-

действию пособников с различными силами. Общее во взглядах историков сводилось к обоснованию концепции непростых отношений коллаборационных структур с немцами и жителями на местах, а также проявление изменчивости характера отношений на протяжении всего периода оккупации.

В 2000-е гг. публикациям подверглись работы, основанные на рассекреченном органами безопасности материале, содержащие в себе значительный объем недоступной ранее информации, насыщающей информационное поле новыми данными. [13, с. 2].

К ноябрю 1941 года немецкими войсками оказалась оккупирована значительная территория западной РСФСР, в которой непременно начинал устанавливаться «Новый порядок», с присущей ему практикой террора, жесткого контроля и грабежа населения. Еще до вторжения гитлеровцев в СССР, немецкими чиновниками разрабатывались инструкции по управлению и использованию захваченной территории. Одним из них являлся план «Ольденбург», предусматривавший эксплуатацию оккупированных областей в экономических интересах Германии. [21, с. 46]. К тому же, создавался Восточный штаб экономического руководства оккупированными областями, курировавший деятельность оперативных хозяйственных групп, ориентированных на изъятие продовольствия для нужд армии. Подобные филиалы действовали при каждом штабе немецких частей и являлись звеньями между армией и главной немецкой хозяйственной организацией.

Советские партизаны в своих донесениях на «Большую землю» достаточно точно отмечали задачи гитлеровской оккупационной политики, осуществляемые ими на всем протяжении своего господства: «... Все мероприятия, проводимые немецкими властями и их прислужниками сводятся к тому, чтобы обеспечить армию, осуществить безопасность оккупированных районов в интересах Германии. Население грабится, как незаконно – вражескими солдатами, так и узаконенными средствами – через старост и старшин. В населенных пунктах проводится набор в полицию для несения караульной службы...» [10, Ед. хр. 23, л. 9]. Фактически, через подобные пособнические институты проходило усмирение и ограбление советской территории [16, с. 74]. Уже в первых инструкциях немецкого военного командования отмечалось создание гражданских вспомогательных органов из местного населения, функции которых должны были полностью отвечать осуществлению требований немцев. [14, с. 2-4]. По приказу Гитлера от 25 июня 1941 г. в случае необходимости офицеры Вермахта имели абсолютное право вмешиваться в дела любой гражданской администрации, делая её послушным инструментом в осуществлении оккупационной политики [21, с. 46].

Ускоренное развитие партизанского движения, затяжной характер войны, нестабильность обстановки на фронтах лишь усилили осуществления предписаний по созданию таких структур. За короткое время немцам удалось достаточно быстро сформировать пособнический аппарат. Так, уже на 31 декабря 1941 г. в органах земельного управления Смоленской области работал 781 сотрудник, из числа общего количества в 1700 человек довоенного периода [4, д. 273, л. 185]. По материалам начальников УНКВД Смоленской области на 20.02.1942 г. из 14 освобожденных в ходе зимнего наступления Красной Армии районов, органами было задержано 1136 человек, из числа которых 421 лицо понесло суровое наказание: от расстрелов до различных сроков лишения свободы. В докладной записке ОО НКВД Западного фронта на имя т. Л. Берии от 12 февраля 1942 года говорилось, что в ходе оперативной проверки, значительная часть населения ряда подмосковных пунктов активно помогала немцам, а часть граждан даже занимали административные посты. Так, в д. Самсоново Наро-Фоминского района из 42 семейств, активно помогали врагу – 12. В санатории «Бодрая жизнь» из 109 чел. все жители работали в качестве обслуживающего персонала. [13, с. 126] Только с декабря 1941 по май 1942 года органы безопасности по Подмосковию задержали 2413 пособников-управленцев для привлечения к ответственности. Вопреки советской пропаганде, среди задержанных отмечался большой процент простых колхозников в возрасте от 45 до 70 лет, нежели лиц буржуазного и уголовного толка [13, с. 135].

Приведенные данные начального периода войны позволяют сделать вывод о достаточно активном характере пособнической

деятельности людей в оккупационных структурах и наличии значительного количества граждан, желающих приспособиться при новой власти, заняв лакомые места. [9, Ед. хр. 742, л. 41].

Проявление гражданского коллаборационизма в оккупированной деревне являлось самой массовой и противоречивой формой. По данным И. Ермолова из 22 миллионов советских граждан, прямо или косвенно работающих на немцев, – 20,8 миллиона были крестьянами [15, с. 160]. Советская деревня больше всех на себе претерпела бремя сталинского режима, поэтому основания прислушаться к обещаниям оккупантов, у крестьян, несомненно, были. Вполне естественным кажется и то обстоятельство, что значительная категория людей боялась за свою судьбу в виду неопределенности обстановки, пыталась выжить, а что самое главное, не имела политической мотивации насчет сотрудничества с немцами [20, с. 84]. Ведь служение немцам давало определенные привилегии, что в условиях войны достаточно важно. Но были и такие, кто формулировал свое отношение к захватчикам довольно просто: «Хуже большевиков не будет», а историк А. Посадский даже отмечал, что «...крестьяне оказались наиболее податливой частью населения, видя в немцах меньшее зло...» [15, с. 161].

Официально, в коллаборационистских средствах массовой информации объявлялось, что целью создания «новых русских органов» являлась выработка порядка регулярного снабжения населения продуктами питания, топливом; организация судебной и административной власти, работы школ, больниц [16, с. 117]. В реальности, присутствующие на собраниях немецкие офицеры, ориентировали своих «помощников», в первую очередь, на активное содействие в сборе продовольствия для германской армии, а также на борьбу с партизанами и саботажем местных жителей, обещая любую поддержку со своей стороны [15, с. 128].

Структура гражданского управления западнорусских прифронтовых областей являлась разветвленной и вертикальной. Эти местности находились в подчинении армейского командования, которое было заинтересовано в спокойствии тыла, что порождало потребность в скорейшем создании коллаборационных структур. В пособнической газете «Новый путь», выходящей на Смоленщине, в номере от 30 ноября 1941 г. говорилось: «...Указания и распоряжения, исходящие от начальников районов, всегда бывают согласованы с полевой комендатурой, и поэтому волостные старшины должны выполнять их безоговорочно...» [19, с. 518]. Как видно, вся полнота власти принадлежала немецкому полевому коменданту, за подписью которого принимались важнейшие решения. В его функции также входило обеспечение безопасности тыловой зоны и выпуск указаний пособническим органам и населению.

Низовыми и средними звеньями, как наиболее близкими к людям, являлись институты старост и волостных старшин, обычно сформированных при участии немцев. На старшину деревни возлагался спектр широких обязанностей, отражающей суть оккупационной политики: введение учета населения; осуществление мероприятий по сбору урожая; высылка людей на работы; определение политической благонадежности лиц, подача сведений о партизанах. [7, Ед. хр. 27, л. 8-22]. В некоторых районах, вблизи зон сопротивления, старосте иногда полагалось оружие и усиленный наряд полицейских, чем тот мог воспользоваться в подходящий момент [1, Ед. хр. 293, л. 42]. Несмотря на ярко выраженный пособнический характер действий, староста выполнял и весьма полезные для населения функции, такие как: заслушивание жалоб жителей для передачи их выше; наложение штрафов от 100 до 1000 р. на правонарушителей в зависимости от тяжести проступка; составление ходатайств по оказанию помощи пострадавшим от боевых и небоевых обстоятельств [1, Ед. хр. 285, л. 359; 1, Ед. хр. 16, л. 55].

В те страшные и неопределенные для населения годы имелись случаи установления личного произвола старост на лиц своей территории. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному усмотрению [18, с. 98]. Имелись случаи и применения старостами физического насилия к гражданам [10, Ед. хр. 115, л. 1]. Подобные действия особенно ярко проявлялись в первые годы оккупации, а также в тех районах, где сила партизан была невелика. Конечно, такие меры авторитета деревенским бургомистрам не прибавляли и в случае попадания

к партизанам или в руки органов госбезопасности, шансов на спасение у таких прислужников было мало. За убийство старосты партизанами деревня навлекла на себя серьезные карательные последствия со стороны оккупантов. Так, за расстрел мстителями старосты д. Хорицы Дубровского района Орловской области немцы расстреляли 36 мужчин, а в деревне Вязовое того же района было ликвидировано 35 человек [1, Ед. хр. 1082, л. 16, 31]. Оккупантами могли быть применены и более «гуманные» акции, такие как сожжение всех домов в деревне и высылка населения.

Архивные материалы содержат информацию по осуществлению старостой и пропартизанской деятельности, например, участие главы общины в сборе провианта, предоставление укрытия партизанским лазутчикам, и предупреждение их о немецких облавах. [10, Ед. хр. 193, л. 7; Ед. хр. 254, л. 2]. В подобной ситуации староста брал на себя серьезный риск и в случае неудачи не имел иммунитета относительно карательной политики врага. Так, за связь с партизанами вместе с семьями были расстреляны старосты деревень Смоленской области «Красная заря» и «Гришино» [6, Ед. хр. 1, л. 156; 10, Ед. хр. 406, л. 206].

Волостной старшина (прим. волостной бургомистр), как звено административного аппарата, управлял территорией в несколько деревень [8, Ед. хр. 827, л. 89]. Волостной бургомистр выполнял указания районных начальников, и взаимодействие с массами проходило с формальной стороны – через рассмотрение жалоб и донесений [5, Ед. хр. 45, л. 22-24]. К волостному старшине население обращалось в тех случаях, когда не помогал деревенский староста. Волостной выдавал пропуск на перемещение по своей волости; мог поручиться за подчиненного – старосту или писаря, если у немцев к нему имеются вопросы; он же давал характеристику людям, желающим служить в полиции [3, Ед. хр. 2, л. 160; 3, л. 192]. Подобно старосте, в его полномочия входили мероприятия по сбору налогов и осуществлению мер по обеспечению порядка на своей земле [8, Ед. хр. 144, л. 119.]. Как и старосты, старшины волостей могли выполнять весьма полезные обязанности социального характера, такие как: организация помощи школам беспризорникам, инвалидам; создание фельдшерских заведений, что, несомненно, было важным в условиях военного времени: [5, Ед. хр. 45, л. 22-24].

Зачастую, волостной бургомистр в глазах людей олицетворялся с «чинушей-начальником», далеким от реальной жизни, хотя и являлся достаточно полезной инстанцией в тех случаях, когда «близкая» власть оказывалась бессильной. К тому же, нельзя забывать, что многие действия волостного старшины обязаны быть согласованы с вышестоящим начальством в лице районного управителя или немецких сельскохозяйственных команд, что значительно подрывало свободу его действий.

Высшим институтом административной системы являлся районный управитель. Историк И. Ермолов утверждает, что существовала и иная господствующая инстанция в лице обер-бургомистра, но её роль во взаимодействии с населением в архивных документах прослеживается слабо. [15, с. 52]. На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ обычно назначались лица из местного населения – бывшие советские и партийные руководители. Имелись случаи, когда районным управителем мог стать рабочий или крестьянин [15, с. 52]. В компетенцию районного начальника входило принятие жалоб-донесений от волостных старшин, а также получение инструкций от немецкой власти. В документах зачастую прослеживается тенденция приказного характера отношений районного начальства со своими низовыми структурами. Особо жесткую форму носят предписания, датируемые концом оккупационного периода в связи с приближением фронта. Может сложиться мнение, что районный управитель являлся наиболее близким к немцам звеном, стоявшим на пронемецкой позиции. И, действительно, подобные суждения имеют пред собой серьезные основания. По данным Прокуратуры Белорусского военного округа от 25 июля 1944 года на территории Смоленской области значительное количество рассматриваемых уголовных дел приходилось на старост и волостных старшин, нежели на представителей высшего звена – районных начальников.

Из 573 заведенных дел: на старост приходится 178; на Волостных старшин – 48; на Бургомистров городов и начальников райуправ – 10 [9, Ед. хр. 1487, л. 291].

Малое количество прислужников такого ранга, попадавшее в руки органов безопасности, объясняется бегством их на Запад с немцами в связи с высоким статусом в оккупационном аппарате и большей долей ответственности. С другой стороны, в источниках присутствуют эпизоды личного участия районного бургомистра в осуществлении социальной политики на подвластной территории [2, Ед. хр. 27, л. 10, там же, Ед. хр. 15, л. 220; 7, Ед. хр. 40, л. 47-114]. Известны резолюции германского коменданта для начальников ряда райуправ о категорическом запрете самовольно распределять средства своей территории в пользу местных жителей без согласования с сельскохозяйственными армейскими командами [7, Ед. хр. 9, л. 17]. В докладной записке на имя коменданта сельскохозяйственного штаба от 1942 года начальник Ершичского района отмечал недостаточность личных средств территории, отводимых на социальное развитие своего участка, по причине распределения всех ресурсов в пользу содержания административного аппарата и уплаты налогов [11, Ед. хр. 100, л. 42]. Подобную проблему упоминал позднее допрашиваемый советскими органами, начальник одного из управлений: «...на местах творился полный произвол, грабеж, как со стороны комендатур, так и со стороны проходящих немецких солдат. Наши распоряжения для них (немцев) никакой роли не играли. Личных средств района для людей не хватало, население жило бедно...» [11, Ед. хр. 101, л. 23]. Эти данные показывают, насколько беспомощным перед немцами был коллаборационный аппарат, и насколько была мала заинтересованность захватчиков в развитии оккупированных территорий.

Поведение рассматриваемых политических субъектов на всем протяжении оккупации постоянно претерпевало серьезные изменения. В начальный период были часты случаи премирования старост и старшин, отличившихся при сдаче нормативов, за умелую организаторскую работу. Коллаборационистская газета «Новый путь» от 29 сентября 1942 года хвасталась результатами по области в сборе 10 млн руб. и 5 тыс. пудов зерна, что, как мы понимаем, в условиях войны являлось весьма неплохим результатом [3, Ед. хр. 1, л. 14-35]. Историк Щеров, проводя собственное исследование, указывает, что на первых порах довольно неплохо выполнялись поставки по молоку и яйцам. Например, к маю 1942 года Глинковский район выполнил этот налог на 89%, Ершичский район по яйцепоставкам выполнил план на 93%, по молоку – на 50%. Процент уплаты подушного налога по ряду волостей Смоленской области в начале 1942 года в среднем превышал 50% от нормы, что весьма неплохо [24, с. 231-233]. Успех первых поставок мог быть вызван рядом обстоятельств: не лучшей ситуацией на фронтах 1941-1942 гг., страхом перед оккупантами, и даже, в некоторой степени, симпатиями в отношении немцев. К концу оккупации процент поставок значительно снижается и составляет порядка 22-30%. [7, Ед. хр. 15, л. 280-289]. Это связано с приближением линии фронта, все более беспредельными действиями врага, и полным разочарованием масс в немцах. За проявленную пассивность ряд старост и старшин волостей получили замечания от своих начальников, а имущество деревень подвергалось принудительной конфискации [5, Ед. хр. 13, л. 30; 7, д. 15, л. 30].

Населенный пункт	Сдача (в центнерах)	План (в центнерах)
Ново-рудня	3,99 ц.	136,5 ц.
Ольховка	3,5 ц.	115,5 ц.
Николаевка	4 ц.	175 5.ц.

Подобные факты позволяют нам сделать вывод о трансформации характера отношений населения, в том числе и коллаборантов: от лояльного и равнодушного поведения до поистине саботажных форм.

После освобождения территории Красной Армией часть пособников, боясь ответственности, пыталась уйти в тень и заняться безобидной деятельностью. Имело место быть, когда бывшие управленцы не только не смещались со своих постов, но и занимали ответственные должности, не скрывая фактов личной биографии, не говоря уж о привлечении их к ответственности [10, Ед. хр. 1493, л. 13]. Из рассмотренных Орловским Обкомом справок, выяснилось, что в ряде райкомов области органами и партией совершенно не осуществлялась проверка бригадиров и председателей, занимающих в настоящее время руководящие посты. Так, на запросы Орловского Обкома о принятии соответствующих мер, один из местных районных

комитетов послал резолюцию с удивительной формулировкой: «Другой кандидатуры на эту должность у себя в районе подобрать не имеем возможности». [1, Ед. хр. 368, л. 25]. И только при особом участии Обкома ВКП (б) и Прокуратуры проверка начала осуществляться более усердно и качественно.

Таким образом, гражданские коллаборационные институты являлись придатком оккупационного аппарата. Имевшие серьезную власть на местах, эти структуры были практически недееспособны в отношении немцев. Наиболее эффективной и лояльной их деятельность отмечалась в первые годы оккупации при неопределенности военно-политической обстановки и первыми надеждами в отношении захватчиков. Помимо пособнической деятельности во благо Рейха гражданский аппарат по мере своих ограниченных сил выполнял и весьма важную общественно-социальную работу, что порождало у населения определенный процент симпатий по отношению к ним. Довольно умелая организация социальной и общественной политики, а также личные качества управителя могли впоследствии сыграть важную роль в судьбе представителей таких структур, осуществлявших свою деятельность под надзором партизан и немцев. К середине оккупации прислужники нижнего звена в полной мере успели осознать сущность захватнической политики врага и старались больше ориентироваться на жизненные реалии, подстраиваясь, как под партизан, так и под оккупантов. Отхождение от полномочий в определенную сторону открыто отмечалось в последние месяцы оккупации, а также в тех местах, где партизанская активность была наиболее высока, зачастую, проявляясь в тактике повсеместной помощи различным силам.

Литература:

1. ГАОО – ф. 52. – Оп. 2.
2. ГАОО – ф. 2439. – Оп. 1.
3. ГАСО. – ф. 2361. – Оп. 5.
4. ГАСО – ф. 2573. – Оп. 1.
5. ГАСО – ф. 2574. – Оп. 1.
6. ГАСО – ф. 2646. – Оп. 1.
7. ГАСО – ф. 2740. – Оп. 1.
8. РГАСПИ – ф. 69. – Оп. 1.
9. ЦДНИСО – ф. 6. – Оп. 1.
10. ЦДНИСО – ф. 8. – Оп. 1.
11. ЦДНИСО – ф. 8. – Оп. 2.
12. ЦДНИСО – ф. 1717. – Оп. 1.
13. Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России : сборник документов – Москва : «Звонница», 2015. – 528 с.
14. Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецкой оккупационной политики 1941–1944. – Москва, 1976. – 231 с.
15. Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера – Москва, 2013. – 464 с.
16. Ковалев Б. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – В. Новгород, 2009. – 372 с.
17. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа [Текст]: монография / Д. Е. Комаров. – Смоленск, 2015. – 368 с.
18. Партизаны Брянщины: сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. – Тула, 1970. – 486 с.
19. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. – Смоленск, 1962. – 520 с.
20. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны – Москва: РОССПЭН, 2000. – 864 с.
21. Преступные цели, преступные средства : сборник документов – Москва, 1985. – 352 с.
22. Щеров И. П. Коллаборационизм в СССР. Типы проявления в годы оккупации. – Смоленск, 2005. – 431 с.